

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований
Костромской государственной университет
РОО «Костромское землячество в Москве»

ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 3

ЖИВОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

Сборник материалов и исследований
международной научной конференции
Кострома, 7–9 ноября 2016 года

Кострома
КГУ
2016

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ОНОМАСТИКЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Работа посвящена русской лексике одной тематической группы – «Птицы», представленной в ономастике Пермского края XVI–XXI вв. (в некалендарных именах, исторических и современных прозвищах, фамилиях, названиях населённых пунктов, микротопонимах). Выявлены орнитонимы, наиболее востребованные в местных именах собственных, принципы их вхождения в ономастику, особенности функционирования в ономастическом пространстве региона. Исторические и современные данные представлены в сравнении. Сделаны выводы о специфике современных имён собственных, которые демонстрируют сужение актуального для традиционной языковой картины мира орнитологического лексикона: в современных антропонимах практически отсутствуют региональные (диалектные) названия, слабо отражено видовое разнообразие птиц. Вместе с тем они мотивируются названиями не характерных для местной фауны птиц, ономотопеями, окказионализмами, отсутствующими в историческом ономастике. Онимы, возникшие и функционирующие в речи сельских жителей, более традиционны.

Ключевые слова: антропонимия; топонимия; микротопонимия; тематическая группа «Птицы»; Пермский край.

В соответствии с тенденциями развития современного языкознания, реализующего антропоцентрический подход к эмпирическим данным, продуктивно изучение материалов не только в «имманентнолингвистическом», но и в лингвокультурологическом аспекте (помимо прагматического, когнитивного и иных). Особый интерес представляют исследования диахронические, позволяющие обнаружить в языковых изменениях отражение подвижек и трансформаций в культуре народа – носителя языка. Специфична трансляция таких подвижек в ономастическом пространстве, в том числе как проекции общей и языковой картины мира жителей того или иного региона.

Исходя из этих соображений, мы обратились к ономастике Пермского края, функционировавшей в XVI–XXI вв. Рамки небольшой статьи потребовали ограничиться материалами лишь одной тематической группы, в данном случае это ТГ «Птицы» тематического поля «Животный мир». Материалом послужили онимы различных разрядов: исторические антропонимы (ИА) – некалендарные имена (НИ), прозвища (пр.), фамилии (ИФ, фам.)

жителей региона XVI–XVIII вв. из [Полякова, 2005; Полякова, 2007] («33 % имён, возникших из названий птиц, непосредственно зафиксированы в документах... Однако большая часть “птичьих” имён (67 %) восстанавливается по фамилиям» [Полякова, 2010: 96]); наименования населённых пунктов по сведениям наиболее полного справочника 1928 г. [Список, 1928]; современные прозвища (СП) и микротопонимы, собранные нами и иными исследователями (в частности, данные [КСРГСПК] и дипломных работ выпускников Пермского государственного и гуманитарно-педагогического университетов). Имена собственные являются русскими, финно-угорскими или тюркскими (татарскими, башкирскими) по происхождению; в настоящем случае онимы нерусского происхождения привлечены только как фоновый материал.

Статистических подсчетов мы сознательно не производим во избежание излишне большой погрешности вычислений. Неточность показателей предопределяется известной неполнотой имеющихся сведений: так, если исчисление поселений и их названий может дать результат, приближённый к точному, то полнота списков прозвищ или микротопонимов представляется принципиально невозможной. Кроме того, мотивирующая онимы лексика нередко полисемична, и затруднено определение семантики производящих слов (так, фамилия *Коньков* может восходить к нарицательному *конёк* в значениях ‘птица’, ‘кузнечик’, ‘вид гриба’, ‘дикая морковь’ и др. [Полякова, 2005: 179]).

В относительных же показателях обнаруживается следующее. Количество наименований, мотивированных лексикой ТГ «Птицы», в целом невелико и в группах разных разрядов не превышает 3–4 % от общего числа онимов (так, в пермских памятниках письменности зафиксировано более 1 900 личных именованных; некалендарных имён из русских и коми апеллятивов, называющих птиц, около 80 [Полякова, 2010: 95]). Однако в силу многочисленности имён собственных (ИФ, СП, микротопонимов привлечено примерно по 5 000, ойконимов не менее 18 000) орнитологическая лексика представлена в них достаточно широко: вычленено более 70 русских наименований более 60 видов птиц. Кроме того, в ряде онимов представлена лексика периферийной зоны, лишь косвенно связанная с орнитонимами, ср. *белокрыл* ‘птица (например, голубь) или насекомое с белыми крыльями’ (> фам. *Белокрылов*), *токать* ‘токовать (о птицах)’ (> фам. *Токачев*) [Полякова, 2005: 47–48, 376].

Востребованность орнитонимов в различных разрядах онимов различна: наименее частотны «птичьи» микротопонимы; наиболее многочисленны ойконимы, для системы которых характерно образование новых единиц на базе имеющихся (ср. в названиях деревень, починков: *Большой Журавлик, Верх-Журавлевский, Верхние Журавли, Журавлева, Журавлевка, Журавлево, Журавлевский, Журавли* (9 одноименных поселений), *Журавлинский, Журавлиный Лог, Нижние Журавли, Средние Журавли*).

Различны принципы вхождения орнитологической лексики в онимы (принципы «птичьей» номинации объектов). В Средние века прозвища и некалендарные имена обычно отражали особенности внешности, манер поведения, речевого поведения человека. Именно такие онимы отражены в возникших на их основе ИФ: *Воробьёв < Воробей* ‘прозвище маленького, подвижного человека’, *Воронин < Ворона* ‘прозвище человека, который бегаёт, расставив руки’, *Воронов, Вороновых < Ворон* ‘прозвище жадного, злого человека’, *Гагарин, Гогарин, Гогаринных < Гагара* ‘прозвище высокого, неуклюжего человека с длинной шеей / того, кто говорит или смеётся громко, резко, отрывисто’, *Желнин < Желна* ‘прозвище надоедливого, бойкого человека’, др. [Полякова, 2005: 86, 91]. Ойконимы в большом количестве случаев связаны с ними генетически (как известно, большинство ойконимов – посессивные единицы, образованные от именовании первопоселенцев) либо словообразовательно, в результате чего наблюдается соотносительность топонимов и ИА, ср.: д. *Воронина Одина, Голубева Осипа, Клестята*, выс. *Воробьевский, Грачевых* – и ИФ *Воронин, Голубев, Клестов, Воробьёв, Грачев*. Большинство микротопонимов имеет локативный или посессивный характер и восходит к названиям близлежащих географических объектов (чаще к ойконимам) либо к именованию владельца угодья, ср.: поле *У Зуев, Лебяжский* лог, угодье *Жаравлево*, луг *Орлиха, Петуховские* поля (но ср. также *Соловьиная* роща, в которой каждое лето поёт много соловьев). СП (это также общеизвестно) часто реализуют принцип редеривации; нередко «птичий» оним возникает путем механического усечения фамилии, иногда на основе ложной этимологии, ср.: *Балабан < фам. Балабанов, Воробей < фам. Воробьёв, Курица < фам. Винокурова, Сова < фам. Савин, Сорока < фам. Сорокин, Цапля < фам. Цаплин*. Не менее многочисленны прозвища, возникшие в результате актуализации парадигматических

(тематических, синонимических, словообразовательных, паронимических) связей лексики: *Скворец* < *Филин* < фам. *Филимонов*, *Синичка* < фам. *Синицын*, *Курица* < *Курочка Ряба* < *Ряба* < фам. *Рябова*, *Сорока-Белобока* < фам. *Сорока*, *Утка* < фам. *Утятников*, *Галочка* < личн. имя *Галина*, *Глухарь* < фам. *Глухих*. Однако есть и качественные номинации: *Бройлер* ‘прозвище очень полного мужчины’, *Гусыня* ‘прозвище женщины с носом, похожим на гусиный клюв’, *Дятел* ‘прозвище говорливого мужчины, болтуна’, *Курица* ‘прозвище женщины с глуповатым выражением лица’, *Куропатка* ‘прозвище женщины маленького роста’ и др.

Материалы позволяют говорить о принципиальном единстве понятийной сферы языковой картины мира номинаторов в различные периоды. Об этом свидетельствует то, что регистр орнитонимов в исторических и современных антропонимах, в антропонимах и топонимах в большей части позиций сходен. Общий блок составляют номинации таких птиц: балобан, воробей, ворон, ворона, гагара, галка, голубь, грач, гусь, дрозд, дятел, журавль, зюёк, коростель, коршун, кукушка, курица, куропатка, лебедь, синица, скворец, сова, сокол, соловей, сорока, сыч, тетерев, утка, филин, чайка, чиж. Кроме того, во всех группах онимов отмечается общее название *птица* (д. *Птицына Гора*; фам. *Птицын*; пр. *Птица*, *Птицы*), везде различаются и особым образом номинируются самка и самец кур (курица и петух), уток (утка и селезень), что закреплено в русской традиции. Ряд представлен наименованиями диких и домашних птиц, характерных для уральской фауны и хозяйствования русских.

Разница обнаруживается в следующем.

Только в ойконимах встретила номинация чечётки (д. *Чечетки*), в микропонимии – название беркута (исторический агроним *Беркутов* лог), вероятно, попавшие в ономастику посредством прозвищ, не зафиксированных в пермских памятниках письменности, легших в основу словаря [Полякова, 2005].

Только среди ИФ зафиксированы наименования кречета (*Кречетов*), стрепета (*Бусоргин*), свизя ‘вида дикой утки с синим носом и лапами’ (*Свизев*), серухи ‘дикой утки с серым оперением’ (*Серюховых*), чистика ‘общего названия трёх видов водящейся на берегах Северного океана и Белого моря птицы из породы чаек’ (*Чистиков*), чирухи ‘утки, самки чирка’ (*Чирухин*), шипуна ‘вида утки; вида лебедя’ (*Шипунов*, *Шепунов*, *Шипонов*).

Только в СП представлены названия экзотических птиц: альбатроса (*Альбатрос*), пингвина (*Пингвин*), попугая (*Попугай Кеша*), страуса (*Страус*).

В топонимах и ИА представлены названия клеста (д. *Клестята*; фам. *Клестов*), козодоя (д. *Елькова*; фам. *Ельков*), колпицы (д. *Клепицина*; фам. *Колпыцов*, *Колпин*, *Клепицын*), кулика (*Куличково поле*, *Куликова горка*, д. *Кулики*, *Куликова*, *Куликовка* и др.; фам. *Канюков*, *Кривцов*, *Куликов*, *Фирюлёв*), луны (д. *Лунев*, *Лунева*; фам. *Лунев*), орла (*Орёл-городок*, *Орлов городок*, д. *Орлова*, луга *Орлиха*; фам. *Орлов*), снегиря (д. *Снегири*, *Снегирева*, *Снегирево*, *Жулань*; фам. *Жуланов*, *Жулановых*, *Снигирев*), стрижа (д. *Стрижева*, *Стрижи*, *Касатки*, *Касаткина*; фам. *Касаткин*, *Стрижев*), трясогузки (д. *Плишки*, *Малые Плишки*, *Плишкина*, поч. *Плишкинский*; фам. *Плишкин*), щегла (д. *Щеглы*; фам. *Щеголихин*). Широко представлены наименования отдельных видов диких птиц (д. *Космари* из *космарь* ‘дикая утка’; д. *Турпаново*, фам. *Турпанов* из *турпан* ‘чёрная дикая утка’; д. *Казарина*, *Казарки*, *Казарята*, фам. *Козаринов*, *Казаринов* из *казара* ‘белобокая казарка, дикий гусь’; д. *Крохалев*, *Крохалева*, поч. *Крохалевский*, фам. *Крохалев* из *крохаль* ‘светло-серая утка’; д. *Чирки*, *Большие Чирки*, *Чирковы* и др., фам. *Чирков*, *Чирковых* из *чирок* ‘морская и речная птица крачка’). Отмечено специфичное название самцов кур и курообразных птиц (выс. *Куровский*, фам. *Куров* из *кур* ‘тетерев косач’, ‘петух’).

В фамилиях и СП отражены названия жаворонка (фам. *Жаворонков*; пр. *Жаворонок*), индюка (фам. *Курьшев*, *Пырин*; пр. *Индюк*), ласточки (фам. *Касаткин*, *Косаткин*; пр. *Ласточка*), удода (фам. *Бобыкин*; пр. *Удод*), цапли (фам. *Цаплин*; пр. *Цапля*).

В ряде случаев отсутствие онимов, мотивированных конкретными «птичьими» названиями, воспринимается как случайность (как, например, отсутствие ойконимов от лексем *кречет* или *шипун*, отсутствие прозвищ с мотиватором *стриж*, *щегол* и др.), обусловленная неполнотой данных. И, например, зафиксировано современное прозвище жителя Пермского края, восходящее к наименованию снегиря, но только на основе коми-пермяцкой лексемы (*Жонь* < личное имя *Женя*). Однако в других случаях такие факты приобретают характер закономерности. Так, обращает на себя внимание то, что в фамилиях и топонимах, в отличие от СП, широко представлены

наименования видов промысловых птиц (главным образом уток). Полагаем, уход таких понятий из актуального лексикона объясняется изменением экономического уклада жизни русских. В то же время расширение кругозора современного человека обеспечило проникновение в ономастику наименований птиц, места обитания которых удалены от Западного Урала. При этом нередко наивные знания нашего современника оказываются размытыми, ср.: «Удод – препод[авательница] физ[культу]ры, кот[орая] однажды пришла в ярко-желтой куртке, у тукана желтый клюв. Мы перепутали удода и тукана» [КССП]. Показательно, что в качестве прозвищ теперь могут использоваться варваризмы (ср. *Der Rabe* из нем. ‘ворона’ < фам. *Воронов*). И эти наблюдения коррелируют с выводами, которые ранее были сделаны нами на материале онимов, мотивированных лексикой тематической группы «Животные» (см. в [Боброва, 2016]), с нашим заключением о том, что понятийная сфера, отражённая в актуальной лексике, фактически разрастается до области знаний, широта которой обусловлена социальным статусом номинаторов [Боброва, Нечаева, 2015: 205].

Специфично проявляется также лексика по признаку «ограниченность сферы употребления». Так, в СП нам встретилась лишь одна диалектная единица (*Журавель* < фам. *Журавлев*), в то время как в основах средневековых фамилий и топонимов они весьма распространены: *бобыка* ‘удод’ (фам. *Бобыкин*), *елек* ‘козодой’ (д. *Елькова*; фам. *Ельков*), *жаравль*, *жеравль* ‘журавль’ (*Жаравлёв* лог, *Жаравлёва* веретья, *Жаравлёвский* лог; фам. *Жаравлев*, *Жаравлевых*, *Жеравлев*), *жаравиха* ‘самка журавля’ (фам. *Жаравихин*), *загоска* ‘кукушка’ (д. *Загоскина*; фам. *Загоскин*), *зуй* ‘зуёк; название некоторых птиц из подотряда куликовых’ (д. *Зуи*, *Зуята*, *Зуевский* угор, *Зуево* озеро и др.; фам. *Зуев*, *Зуевых*), *канюк*, *канюс*, *кривец*, *фирюль*, *фируль* ‘кулик’ (д. *Канюки*, *Кривцы*, *Канюсята*, *Лесные Фирули*; НИ *Фирюль*, *Фирюлька*; фам. *Канюков*, *Кривцов*, *Фирулев*), *карга* ‘ворона’ (д. *Карги*; фам. *Каргин*), *каساتка*, *косатка* ‘ласточка’, ‘стриж’ (д. *Касатки*, *Касаткина*; фам. *Касаткин*, *Косаткин*), *колпа*, *клепица* ‘болотная птица колпица’ (д. *Клепицина*; фам. *Колпыцов*, *Колпин*, *Клепицын*), *копала* ‘самка глухаря’ (фам. *Копалин*, *Копалиных*), *коркун* ‘коршун’ (фам. *Коркунов*), *крячко* ‘коростель’ (НИ *Крячко*), *курыш*, *пыря* ‘индюк’ (фам. *Курышев*, *Пырин*), *кур* ‘тетерев косач’, ‘петух’ (поч. *Куровский*; фам. *Куров*), *нор*

‘водоплавающая птица гагара’ (фам. *Норов*), *плишка*, *сырчик* ‘трясогузка’ (д. *Плишки*, *Сырчики* и др.; НИ *Сырчик*; фам. *Плишкин*, *Сырчиков*), *поляк* ‘тетерев косач’ (д. *Поляки*; фам. *Поляков*), *рябь* ‘куропатка, рябчик’ (фам. *Рябев*) и др. (см. выше названия видов уток).

Различным образом проявляет себя также лексика иных лексико-семантических групп указанной ТГ. Только в современных прозвищах присутствуют звукоподражания типа *га-га* (> *Га-га*) и производные от них (*Кряка*). Вероятно, в силу малой их выразительности и слабой способности выступать в качестве квалитивов в ИА чистые ономотопеи отсутствуют, есть лишь производные от них единицы (*Корканов* < *Коркан* ‘прозвище ворчливого человека’ < *корканье* ‘звуки, издаваемые глухарём’). Вместе с тем в СП, которыми мы располагаем, не представлены, например, наименования частей тела птиц, но ср.: д. *Крылова*, поч. *Крыловский* и др.; фам. *Крылов*; каменная возвышенность *Пёрышки*.

Орнитонимы могут употребляться с собственно антропонимическими формантами (ср. ИА *Вороница*, *Кречетиха*, СП *Голубиха*), но только среди СП встречаются окказионализмы (ср. *Гуся*, *Кряка*).

В то же время образование современных микропонимов вполне традиционно, что также имеет своё объяснение. Названия небольших географических объектов, которыми мы располагаем, зафиксированы в сельских населённых пунктах, в речи представителей старшего поколения, которым свойственна консервативность мышления и большая традиционность языковой картины мира.

Таким образом, оторнитонимные топонимы и исторические антропонимы (средневековые фамилии, прозвища, некалендарные имена) соотносительны в силу их генетических связей. Современная ономастика специфична. Так, современные прозвища демонстрируют сужение актуальной для языковой картины мира орнитологической лексики: в таких антропонимах практически отсутствуют региональные (диалектные) названия, слабо отражено видовое разнообразие птиц. Вместе с тем они мотивируются названиями не характерных для местной фауны птиц, ономотопеями, окказионализмами, отсутствующими в историческом ономастиконе. Онимы, возникшие и функционирующие в речи сельских жителей, более традиционны.

Библиографический список

Боброва М.В. Прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», в XVI–XVII и в XX–XXI вв. // Русская устная речь: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Вып. 2 / отв. ред. О.Ю. Крючкова. – Саратов: Амирит, 2016. – С. 135–139.

Боброва М.В. Репрезентация семантической группы «Животные» в диалектной лексике тематической группы «Болезнь» и в современных прозвищах Пермского края / М.В. Боброва, Л.С. Нечаева // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. – С. 196–206.

КСРГСПК – Картоoteca «Словаря русских говоров севера Пермского края». Место хранения: лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» при кафедре ТиПЯ ПГНИУ. Объем: ок. 700 000 карточек-цитат. Хронологический охват: с 1947 г. по настоящее время.

КССП – Картоoteca словаря современных прозвищ жителей Пермского края. Место хранения: лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» при кафедре ТиПЯ ПГНИУ. Объем: ок. 5 000 единиц. Хронологический охват: с 1990 г. по настоящее время.

Полякова Е.Н. История имён жителей Пермского края в XVI–XVIII веках: моногр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – 280 с.

Полякова Е.Н. Словарь имён жителей Пермского края XVI–XVIII веков. – Пермь: Издат. дом Бывальцева, 2007. – 464 с.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь, 2005. – 464 с.

Список населённых пунктов Уральской области. Т. 1: Верхкамский округ; т. 6: Кунгурский округ; т. 8: Пермский округ; т. 9: Сарапульский округ. – Свердловск: Изд. орготд. Уралоблисполкома, Уралстатупр. и окруж. исполкомов, 1928. – XX, 85 с.

Бубнова Н.В. (Смоленск)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

В статье предложен подход к созданию ассоциативного словаря имён собственных на основе регионального материала, выявленного посредством масштабного ассоциативного эксперимента, в результате которого были определены особенности состава ассоциативно-культурного фона топонима Смоленщина и общезначимых смоленских имён собственных. Словарь предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Смоленского края, его местом и ролью в истории России. Особенно полезным словарь может